

*Гийому и Симону-Адероу,
для которых я живу*

Нам никогда не приходит в голову рассматривать печаль как болезненное состояние и обратиться к врачу для ее лечения, хотя она влечет за собой серьезные отступления от нормального поведения в жизни. Мы надеемся на то, что по истечении некоторого времени она будет преодолена, и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Зигмунд Фрейд
Печаль и Меланхолия

Глава первая

— **М** ам, ну пожалуйста!..
— Нет, Клара, я сказала “нет”.
— Да ладно, Диана. Отпусти ее со мной.
— Колен, не морочь голову. Если Клара пойдет с тобой, вы провозитесь невесть сколько, и в ближайšie три дня мы на каникулы не уедем.
— Пошли с нами, проследишь, чтобы мы не тянули!
— Ну уж нет. Видел, сколько мне нужно сделать?!
— Тем более. Я возьму с собой Клару и никто тебе не будет мешать.
— Ма-ам!
— Ладно, так и быть. Бегите! Быстро! С глаз моих долой.

Они помчались, толкаясь, по лестнице.

Потом я узнала, что они продолжали валять дурака в машине, когда в нее врезался грузовик. Я сказала себе, что они умерли смеясь. И еще, что я хотела бы быть там, вместе с ними.

И вот уже год, как я ежедневно твержу себе, что лучше бы я умерла вместе с ними. Но сердце продолжает упорно биться. И поддерживать во мне жизнь. К великому моему несчастью.

Съездившись на диване, я уставилась на завитки дыма над сигаретой, и тут открылась входная дверь. Теперь Феликс не ждал приглашения. Он просто заявлялся без предупреждения, ну или практически без него. Каждый день. И зачем я дала ему запасные ключи?!

Он вошел, я вздрогнула, и пепел просыпался на пижаму. Я быстро сдула его на пол. Чтобы не видеть, как Феликс принимается на каждодневную уборку, я отправилась на кухню подзарядиться кофе.

Когда я вернулась, все оставалось на местах. На низеньком столике по-прежнему громоздились переполненные окурками пепельницы, пустые чашки, коробки из-под доставленной еды и бутылки. Феликс сидел нога на ногу и в упор смотрел на меня. Увидев его таким серьезным, я на секунду растерялась, но больше всего меня поразил Феликс в наряд. Почему он в костюме? Где его вечные дырявые джинсы и обтягивающие майки?

— Куда это ты собрался? На свадьбу или на похороны?

— Который час?

— Это не ответ на мой вопрос. Плевать мне, который час. Ты вырядился, чтобы снять очередного красавца-мажора?

— Предпочел бы. Но уже два часа, так что иди умывайся и одевайся. Не пойдешь же ты туда в таком виде.

— Куда это я должна, по-твоему, пойти?

— Поторопись. Твои родители и родители Колена будут нас ждать. Мы должны быть там через час.

По телу пробежала дрожь, руки затряслись, комок желчи подкатил к горлу.

— И речи быть не может, на кладбище я не пойду. Слышишь?

— Ради них, — мягко попросил он. — Сегодня ты должна пойти, ведь исполняется ровно год, тебя все поддержат.

— Не нужна мне ничья поддержка. Я отказываюсь идти на эту дурацкую церемонию. Вы что, полагали, будто я захочу отпраздновать их смерть?

Мой голос дрогнул, покатались первые за день слезы. Сквозь туман я увидела, как Феликс встал и подошел ко мне. Он обнял меня и крепко прижал к груди.

— Диана, ну пожалуйста, пойди. Ради них.

Я с силой оттолкнула его.

— Ты что, плохо соображаешь? Я же сказала, что не пойду. Убирайся, — завопила я, заметив, что он намеревается снова шагнуть ко мне.

Я побежала в спальню. Руки дрожали, но я все же ухитрилась повернуть ключ на два оборота. И свалилась на пол, прислонившись спиной к двери, подтянув коленки к груди. Воцарившуюся в квартире тишину нарушил вздох Феликса.

— Зайду вечером.

— Не хочу тебя больше видеть.

— Хотя бы заставь себя помыться, иначе я собственноручно суну тебя под душ.

Его шаги удалились, потом хлопнувшая дверь известила меня о том, что он наконец ушел.

Долго-долго я продолжала лежать, ни о чем не думая, упершись головой в колени, а потом подняла глаза на свою кровать. С трудом доползла до нее на четвереньках, залезла и закуталась в одеяло. И как всякий раз, когда я оказывалась в постели, начала принюхиваться, пытаюсь уловить запах Колена. Он в конце концов улетучился, хоть я и не перестилала с тех пор простыни. Мне нужно было хотя бы еще раз ощутить его, чтобы забыть запах больницы, смерти, пропитавший его кожу, когда я в последний раз уткнулась головой ему в шею.

Я хотела уснуть — возможно, сон поможет мне забыть.

Год назад, когда в сопровождении Феликса я приехала в больницу скорой помощи, мне заявили, что всё, слишком поздно, моя дочка умерла в машине. Врачи подождали, пока у меня закончится приступ рвоты, после чего объявили, что Колену осталось жить несколько минут или в лучшем случае несколько часов. И если я хочу с ним попрощаться, мне не стоит терять время. Мне бы завопить, прокричать им, что они врут, но я была не в состоянии. Я вдруг оказалась в центре полновесного кошмара, и мне захотелось поверить, что я вот-вот проснусь. Но медсестра повела нас к боксу, куда положили Колена. Каждое произнесенное слово, каждый жест с момента, как я вошла в эту комнату, отпечатался в моей памяти. Там на кровати лежал Колен, подключенный к аппаратам, которые громко шумели и мигали огоньками. Он едва шевелился, лицо было в кровоподтеках. Это зрелище парализовало меня на несколько минут. Феликс вошел вслед за мной, и его присутствие помешало мне отключиться. Голова Колена медленно повернулась ко мне, его глаза заглянули в мои. Он даже нашел в себе силы, чтобы выдать намек на улыбку. И эта улыбка позволила мне подойти к нему. Я взяла его за руку, и он сжал мои пальцы.

— Ты должна быть с Кларой, — с трудом произнес он.

— Колен, Клара..

— Она в операционной, — резко перебил меня Феликс.

Я подняла голову. Избегая моего взгляда, он улыбнулся Колену. У меня зашумело в ушах, каждую клетку тела пронизала дрожь, глаза затуманились. Я почувствовала, что рука Колена сжимает мою руку сильнее. Я смотрела на него, а он в это время слушал рассказ Феликса о Кларе: тот объяснял, что Клара выкарабкается. Эта ложь грубо вернула меня к действительности. Рвущимся голосом Колен сказал, что не видел грузовика — он распевал с Кларой песню. Я потеряла дар речи. Наклонившись к нему, я провела рукой по его волосам, по лбу. Его лицо снова обратилось ко мне. Я смотрела на него сквозь слезы, оно расплывалось. Он уже уходил. Я задыхалась. Он поднял руку и положил ладонь мне на щеку.

— Ш-ш-ш, любимая, — сказал он. — Успокойся. Слышала, что говорит Феликс? Ты понадобишься Кларе.

Мне не удалось отвести глаза, в которые он впился взглядом, полным надежды на спасение нашей дочки.

— А как же ты? — с трудом выдавила я.

— Главное — она, — сказал он, стирая с моей щеки слезу.

Мои рыдания удвоились, и я прижалась лицом к его пока еще теплой ладони. Он был еще здесь. Еще. Я цеплялась за это “еще”.

— Колен, я не могу тебя потерять, — прошептала я.

— Ты не одна, у тебя есть Клара, и Феликс позаботится о вас обоих.

Я покачала головой, не решаясь взглянуть на него.

— Все будет хорошо, ты будешь храброй, ради нашей девочки...

Его голос неожиданно угас, я запаниковала и подняла голову. Он выглядел невероятно усталым. Последние силы он потратил на меня, как всегда. Я с силой обняла его и поцеловала, и он ответил на поцелуй той каплей жизни, которая еще оставалась в нем. Потом я легла, вытянувшись вдоль его тела, тесно прижалась, помогла ему положить голову мне на плечо. Пока Колен был в моих объятиях, он не мог меня покинуть. Он в последний раз прошептал, что любит меня, я едва успела ему ответить, а потом он мирно уснул. Я провела с ним несколько часов, прижимая его к себе, баюкая, целуя, вдыхая его. Родители попытались увести меня, я заорала. Родителям Колена, которые пришли попрощаться с сыном, я не позволила до него дотронуться. Он был только моим. Лишь терпеливый Феликс заставил меня в конце концов сдаться. Он не пожалел времени, чтобы успокоить меня, и только после этого напомнил, что я должна попрощаться с Кларой. Моя дочка всегда была единственным существом на земле, способным разлучить меня с Коленом. И смерть ничего не изменила. Мои руки разжались и выпустили его тело. Я в последний раз прижала губы к его губам и ушла.